

Ион Маноле: Избиратели из Приднестровья не могут голосовать осознанно

Большинство жителей Приднестровья, принимающих участие в выборах, организуемых на территории, контролируемой конституционными властями Молдовы, чаще всего не голосуют осознанно, потому что они не информированы. Об этом заявил председатель организации „Promo-Lex” Ион Маноле в эфире передачи „Loc de dialog” на общественной радиостанции Radio Moldova, передаёт IPN.

„Кандидаты не имеют возможности распространять свою рекламу в населённых пунктах левобережья Днестра, люди там не имеют доступа к кишинёвским источникам информации, и им неоткуда знать о кандидатах. Тирасполь должен открывать доступ и кандидатам из Кишинёва, разрешать предвыборную рекламу не только московских кандидатов”, – заявил Маноле.

Председатель „Promo-Lex” полагает, что путём блокирования доступа к информации тираспольская администрация пытается

сохранить сепаратистский режим. „Кишинёвские власти толерантны. Мне очень жаль, что тамошние жители всё ещё верят в обещания. Так они когда-то поверили, что их Приднестровье превратят в советскую Швейцарию. Ситуация в регионе ухудшается, так как Москва выделяет им всё меньше денег после аннексии Крыма и падения цен на нефть”, – сказал Маноле.

Кишинёвские власти намерены открыть ряд избирательных участков для жителей левого берега Днестра на президентских выборах, предстоящих 30 октября, но только в населённых пунктах, находящихся под юрисдикцией Кишинёва.

Источник: ipn.md

После 25 лет независимости Молдова выглядит разделённой страной. Цикл IPN

По случаю 25-летия независимости страны, Агентство IPN проводит „собственное расследование”, с целью составления картины того, что представляет собой сегодня Республика Молдова. Для этого мы обратились ко многим и самым разным людям: государственным деятелям, политикам, предпринимателям, деятелям искусства, гражданским активистам, а также к тем, у кого нет званий и должностей, но кому есть что почувствовать и сказать. Общая картина носит название „Мысли по поводу и ради Молдовы”.

Ион Маноле, директор Ассоциации по защите прав человека ProtopLEX: „Независимость Республики Молдова можно сравнить с подарком, который не был оценен по достоинству”.

После 25 лет независимости Молдова выглядит страной,

разделённой как территориально, так и на уровне граждан, отмечает Ион Маноле. В обществе отсутствует сплочённость, а страна разделена и в геополитическом плане: 50% населения придерживается прозападных взглядов, а другие 50% – провосточных. Это не способствует и решению приднестровской проблемы.

Что касается отношений между Кишинёвом и Тирасполем, то не ясно направление, в котором движется процесс урегулирования. Кишинёв не слишком решителен и не может представить на основе своей позиции достаточно чёткие предложения, а внутренние проблемы ещё больше вредят этому процессу. Этим пользуются не только Тирасполь и Москва, но и некоторые международные игроки, которые, видя эту некомпетентность конституционных властей, настаивают на ряде уступок со стороны Кишинёва, которые ему делать не следует.

Ион Маноле сожалеет о том, что права человека не стоят на повестке дня ни в Кишинёве, ни у международных игроков, которых должна была бы беспокоить эта проблема. Сожаление тем больше, что, спустя 25 лет после обретения Молдовой независимости, жители левобережья Днестра не имеют доступа к справедливому правосудию, к заслуживающим доверия, законным и эффективным правозащитным институтам.

Самым большим достижением этих 25 лет был шанс максимально приблизить страну к ЕС, шанс, который появляется один раз в столетие. Ион Маноле отмечает, что этот шанс у нас был, и, видимо, он исчезает. По мнению Маноле, другого такого шанса в ближайшем будущем у нас не будет. Это большая возможность, но и большая неудача. Вторая большая неудача состоит в том, что не удалось добиться сплочения общества, и это очень серьёзная вещь, опасная для существования любого государства. Учитывая наличие радикальных групп, это не может не беспокоить.

По словам эксперта, граждан можно упрекнуть за то, что они слишком верили политикам, не спрашивая с них, не требуя наказать тех, на ком лежит вина за некоторые ситуации. Власти

эксперт упрекает в том, что они больше думали о собственном кармане, о личных и групповых интересах, нежели об интересах страны и её граждан.

По мнению Иона Маноле, Молдова не является независимой и практически никогда ею не была, может быть, за исключением первых дней, после чего развитие событий приняло иной оборот, и всё смешалось. Страна не контролирует всей своей территории. Сами граждане имеют разные геополитические предпочтения, они не ощущают себя хорошо в качестве граждан этого государства.

Если бы ребёнок спросил его, почему следует гордиться тем, что он является гражданином Республики Молдова, Ион Маноле сказал бы ему это делать, поскольку у страны всё ещё есть будущее. У него тоже было намерение уехать, но он этого не сделал и не жалеет о своём решении, так как он попытался что-то изменить. Иностранцы характеризуют молдаван как людей тёплых, гостеприимных, сопереживающих, умных. „Думаю, что это, пожалуй, единственный плюс – наши граждане – и сожалею о том, что они покидают страну”, – рассказал Ион Маноле.

Эксперт желает видеть Молдову страной со сплочённым, толерантным обществом, в которой власти уважают права человека, а граждане борются за них.

–

Ион Маноле является экспертом в области защиты прав человека, директором Ассоциации Proton-LEX, специализирующейся на соблюдении прав человека в восточных районах Молдовы – приднестровском регионе. Адвокаты Ассоциации часто представляют молдавских граждан в ЕСПЧ.

Марьяна Галбен, IPN

Источник: ipn.md

Promo-LEX: Крайний срок проведения президентских выборов – 19 июня

Крайний срок для проведения президентских выборов и избрания главы государства может быть день 19 июня. К такому выводу пришла ассоциация Promo-LEX, которая проанализировала периоды объявления и проведения предыдущих президентских выборов, передает IPN.

В разработанном информационном графике Promo-LEX отметила, что в 1991-1996 годах граждане избрали президента путем прямого голосования. Период со дня назначения даты выборов и самими выборами составил от 79 до 143 дней. В 2000 году Парламент внес изменения в Конституцию и установил, что президент избирается законодательным органом. С 2000 по 2012 годы, период от назначения даты проведения президентских выборов и самими выборами составил от 9 до 17 дней.

В марте 2016 года Конституционный суд признал неконституционными проведенные в 2000 году изменения и возобновил старые положения о выборах президента прямым голосованием всем народом. Согласно старым положениям Избирательного кодекса президентские выборы должны быть назначены в трехмесячный срок со дня, когда должность президента становится вакантной.

Promo-LEX указывает, что мандат нынешнего президента Николае Тимофти истекает 23 марта нынешнего года. Таким образом, в воскресенье, 19 июня, истекает последний срок проведения президентских выборов, чтобы успеть подсчитать голоса, признать результаты голосования, а также привести избранного

президента к присяге.

Источник: [Ipn.md](http://ipn.md)

Россия признана ответственной за нарушения прав человека в левобережье Днестра

Европейский суд по правам человека вынес решение в пользу гражданина Республики Молдова Бориса Мозера, немца по национальности, арестованного органами милиции приднестровского региона и содержавшегося в нечеловеческих условиях. Таким образом, ЕСПЧ признал Российскую Федерацию ответственную за нарушение права на свободу и безопасность. Решение Европейского суда было представлено Ассоциацией Promo-LEX в рамках [пресс-конференции](#) в IPN. Члены ассоциации отметили, что решение ЕСПЧ имеет большое значение.

Адвокат Александру Постикэ отметил, что ЕСПЧ решил, что постоянный отказ в оказании медицинской помощи истцу, а так же его содержание под стражей в нечеловеческих условиях в нескольких пенитенциарных учреждениях приднестровского региона нарушили право на ограждение от пыток. Так же, истцу было нарушено право на частную жизнь и на вероисповедание поскольку ему было отказано во встречи с представителями культа, к которому принадлежит.

„Суд установил, что суды приднестровского региона не обладают многолетним опытом работы и не могут рассматриваться как инстанции, имеющими право применять произвольный арест. В принципе, ставится под сомнение вся система, которая применяется в регионе. Эта констатация очень важна”, – отметил Александру Постикэ. Суд установил, что, в отличие от конституционного законодательства Республики Молдова, которое было подвергнуто экспертизе несколькими международными организациями, так называемое законодательство приднестровского региона осталось в тени. Ни один международный орган не сделал оценку того, насколько приднестровское законодательство совместимо с международными стандартами.

По словам адвоката, ЕСПЧ признал Российскую Федерацию виновной в нарушениях в адрес молдавского гражданина. Хотя арест и осуждение истца было сделано судами непризнанного приднестровского региона, они работают благодаря поддержке Российской Федерации. Таким образом, все допущенные нарушения приписываются России. Соответственно, Россия обязана выплатить истцу 25 тыс. евро в качестве морального и материального ущерба, и 4 тыс. евро в качестве расходов на юридическую помощь.

И Республика Молдова обязана предпринять незамедлительные действия в целях обеспечения правовых рамок, совместимых с положениями Европейской конвенции для приднестровского региона. Исполнительный директор Ассоциации Promo-LEX Ион Маноле отметил, что выводы, изложенные в постановлении ЕСПЧ, достаточны для того, чтобы Молдова действовала в дальнейшем для соблюдения прав человека на левом берегу Днестра. „Участвуя в решении каждого конкретного случая, мы можем прийти к решению приднестровской проблемы в целом. Только контролируя ситуацию на левом берегу Днестра, мы сможем определить как проблемы, так и решения”, – отметил Ион Маноле.

Истец пожаловался в ЕСПЧ, что был арестован органами милиции приднестровского региона 24 ноября 2008 года. В течение примерно полутора лет истца содержали в нечеловеческих

условиях в тюрьмах в Тирасполе и Хлиная, и отказывали в медицинской помощи. После упрощенного осуждения его освободили 1 июля 2010 года.

Источник: Ipn.md

Primo-LEX: Половина зарегистрированных партий не регламентируют членские взносы

21 политическая партия, то есть практически половина из зарегистрированных в Молдове политформирований, не регламентирует в своём уставе или иных внутренних документах процедуру выплаты членских взносов. Таков предварительный вывод Ассоциации Primo-LEX, которая, при финансовой поддержке посольства Великобритании в Молдове, инициировала проведение Исследования практик и методов, применяемых политическими партиями для финансирования своей деятельности и реализации

уставных задач. Окончательные результаты исследования будут обнародованы в конце марта.

Финансовый аналитик Promo-LEX Корнелия Кэлин сообщила на [пресс-конференции](#) в IPN, что, согласно предварительному анализу, уставы 21 политической партии, вопреки поправкам к Закону о политических партиях от апреля 2015 года, прямо не регламентируют размер взносов. Из них, в 18 случаях членские взносы устанавливаются и регулируются внутренними документами, что противоречит закону. Уставы ещё 3 политформирований вообще не содержат положений, регулирующих членские взносы, а также порядок уплаты и размер этих обязательных платежей.

По словам Корнелии Кэлин, лишь 22 политические партии включили в свои уставы размер и порядок уплаты членских взносов. Исходя из уставов политических партий, явно указавших размер членских взносов, в 7 случаях эта цифра составляет от 1 до 5 леев в месяц. Ещё четыре партии установили размер взносов на уровне от 6 до 20 леев, а 4 других – от 21 до 100 леев. Наконец, у 6 партий размер установленных в уставе членских взносов составляет 0,2–2,5% от ежемесячного дохода, а одна политическая партия установила размер данного платежа на уровне 5% от минимальной заработной платы по экономике.

Программный директор Ассоциации Promo-LEX Павел Постика напомнил о том, что отсутствие явного указания в уставах политических партий размера и порядка уплаты членских взносов является, начиная с 1 января 2016 года, нарушением Закона о политических партиях. Как отметил Павел Постика, повышенное внимание к членским взносам объясняется тем, что они являются главным источником самофинансирования партий.

По мнению эксперта, Министерство юстиции должно рекомендовать политическим партиям указывать в своих уставах порядок выплаты и сумму взноса. Эксперт также напомнил партиям о необходимости отчитаться до 31 марта перед Центральной избирательной комиссией о своих доходах и расходах в 2015 году.

По словам экспертов Promo-LEX, они не ожидали, что половина зарегистрированных партий не регламентируют уплату членских взносов. В то же время, более всего их удивил тот факт, что среди партий, не имеющих соответствующих положений, есть крупные, институционально оформленные партии. В предварительных результатах исследования названия партий не упоминаются.

Источник: Ipn.md

Дело Прутяну: бьет – не значит любит

Кишинев, 31 января. Семейная жизнь не всегда бывает счастливой. Яркий пример – трагедия в Молдове. Виктория Прутяну – имя в стране теперь нарицательное. Она убила отца своих детей. Удивительно, но далеко не все считают ее преступницей. По статистике, 6 из 10 женщин в Молдове хотя бы раз становились жертвами семейного насилия. А погибают, по данным правозащитников, как минимум 50 женщин в год. Вот и разгорелся в стране спор: имеют ли жены право на самооборону? Корреспондент «МИР 24» **Вида Недова** тоже задалась этим вопросом.

«Я не хотела его убивать, я хотела защититься», – говорит осужденная Виктория Прутяну.

Дело Виктории Прутяну прогремело на всю Молдову. Женщину осудил почти на 4 года тюрьмы за убийство бывшего мужа-алкоголика, который постоянно ее избивал. Очередной скандал привел к трагедии.

Согласно показаниям Виктории в суде, в тот роковой вечер

бывший муж был сильно пьян. Он угрожал, что отрежет ей голову и выбросит в канаву. Девушка пыталась убежать и вслед получала все новые удары. В итоге она зашла в дом, схватила нож и нанесла смертельный удар в грудную клетку.

Супруги Прутяну жили в доме на окраине села. С ними еще пятеро детей: две родные дочери и три несовершеннолетние сестры Виктории. Они были и свидетелями, и жертвами семейной драмы.

«Папа бил маму и старших девочек, потому что они не хотели идти ему за пивом и сигаретами. Он хотел перерезать маме горло», – говорит дочь Виктории Габриела Прутяну.

«Он был очень плохим. Он даже своих родных маленьких дочек не любил. Ничего не покупал», – рассказывает сестра Виктории Михаела Прутяну.

Все 7 лет брака для Виктории были кошмаром. Как и жизнь после развода. Это окно до сих пор никто не отремонтировал – его разбил бывший супруг.

«С тех пор, как они развелись, он только пьяным приходил к ним в дом. Трезвым не хватало смелости. Он скандалил, накидывался с ножом, говорил: не ляжешь со мной в постель – убью», – говорит жительница села Онешть Надежда Котея.

Бабушка Виктории Прутяну свою внучку оправдывает: это было не убийство, а самозащита.

«Вы знаете, что она потеряла ребенка из-за того, что он ее бил? Я тогда была с ними в Москве на заработках, только работали в разных бригадах. Она ждала дочь. Ребенка похоронили под деревом. Это нормально? Это не нормально!» – рассказывает бабушка Виктории Прутяну Анна Бэрбуца.

Также считают еще 13 тысяч человек, которые подписали петицию на имя президента с требованием отменить приговор. Под

давлением общественности, фигурантку дела перевели из СИЗО под домашний арест. Но общаться с посторонними суд ей запретил. Впереди апелляция. Защита и прокуроры настаивают на своем.

«У Василия Пырыча, который на самом деле является жертвой и якобы ее атаковал, не было никаких предметов, и он не совершал действий, опасных для ее здоровья и жизни», – заявляет прокурор района Стрэшень Василий Голба.

«Мы хотим ее полного оправдания, потому что она его не убивала. Она была в состоянии законной самозащиты. Нельзя говорить, что она его убила, потому что у нее не было намерения убить человека», – подчеркивает адвокат Виктории Прутяну Вадим Виеру.

Но статистика говорит против Прутяну. Суд, как правило, признает таких жен преступницами. А значит прямая дорога в женскую тюрьму, где каждая десятая отбывает наказание за убийство либо за увечья, нанесенные супругу. История каждой словно написана под копирку. Муж пил, бил, жена не выдержала. Людмила – классический пример.

«Они не должны несправедливо сажать женщин в тюрьмы, судьям надо смотреть в документы. Я предоставила все свои жалобы в полицию, за меня подписались 300 односельчан, потому что я не виновата», – рассказывает заключенная Людмила Коменданту.

Виктория тоже много раз обращалась в полицию и обивала пороги мэрии с просьбой оградить ее от мужа-агрессора.

От полицейского участка до дома Виктории Прутяну – пять минут ходьбы. Согласно постановлению о защите, сотрудники правоохранительных органов были обязаны обеспечить, чтобы бывший муж не приближался к девушке. Но побоям не было конца, а экс-супруг обходился штрафами в 25 долларов.

По закону все должно быть иначе. Тот, кого признали

агрессором, не может приближаться к жертве ближе, чем на 50 метров. А с обоими участниками конфликта несколько раз в неделю обязан общаться участковый.

«Но этого не происходит: полицейские либо неподготовленные, либо у них нет времени, либо есть стереотипы, что это семейное дело, и супруги разберутся сами», – отмечает адвокат Думитру Слюсаренко.

Но в очередной раз семейное дело превратилось в уголовное. Если Викторию Прутяну осадят, ее детей, скорее всего, отправят в приют.

Источник: Mir24.tv

Дмитрий Слюсаренко – НМ: «Каждый год в результате домашнего насилия в Молдове погибает не менее 50 женщин»

Дело Виктории Прутяну, которую суд приговорил к четырем годам тюрьмы за убийство мужа, вызвало широкий резонанс в обществе. Через два дня после приговора министр сообщил о переводе осужденной, воспитывающей пятерых детей, под домашний арест. Адвокаты Прутяну из ассоциации Promo-LEX утверждают, что муж постоянно избивал ее и убийство было совершено в целях самообороны. Корреспондент НМ Марина ШУПАК поговорила с адвокатом Promo-LEX Дмитрием СЛЮСАРЕНКО о том, почему в Молдове распространено домашнее насилие и как обычно реагируют на это власти.

«В день выдачи ордера он пришел и избил ее»

Почему через два дня после приговора суд изменил меру пресечения для Виктории Прутяну?

Суд перевел Прутяну под домашний арест, рассмотрев ходатайство госадвоката, который сослался на состояние здоровья осужденной. Адвокаты Promo-LEX также ходатайствовали об освобождении Прутяну из-под стражи, но на основании отсутствия решения суда о ее аресте до вынесения окончательного приговора – либо Апелляционной палатой, либо Высшей судебной палатой. Отсутствие такого судебного решения нарушает Европейскую конвенцию по правам человека. Но суд Страшен ограничился рассмотрением жалобы госадвоката.

Хочу отметить, что адвокаты Promo-LEX представляют интересы Виктории в этом деле с лета 2015 года, до этого у нее был только государственный адвокат. Promo-LEX кроме того обжаловал в Апелляционной палате (АП) сам приговор.

На чем основано ваше ходатайство о пересмотре приговора?

Мы настаиваем на том, что это была самозащита. Есть показания свидетелей. О самозащите говорят и факты, зафиксированные до убийства. Виктория не раз подвергалась домашнему насилию со стороны мужа, обращалась по этому поводу в полицию. Суд неоднократно выдавал ордер о защите жертв домашнего насилия. Однако это не остановило насилие.

Что предполагает такой ордер?

Агрессор не имеет права приближаться к жертве, а также звонить ей или каким-то другим образом связываться и контактировать. Однако эти предписания часто остаются только на бумаге. Муж Прутяну их не соблюдал. А в день выдачи первого такого ордера он просто пришел и избил ее. В Молдове, к сожалению, нет эффективного механизма защиты жертв домашнего насилия, поэтому полиция не вмешивалась, чтобы как-то помочь Виктории Прутяну,

хотя на ее попечении находятся пятеро детей – трое ее детей и две несовершеннолетние сестры.

Глава минюста Владимир Чеботарь назвал перевод Прутяну под домашний арест «нашей маленькой победой». Что вы по этому поводу думаете?

Были ли в вашей практике подобные случаи, когда женщина убивала мужа в целях самозащиты? Могу только сказать, что до реакции общества и СМИ минюст по этому поводу никак не высказывался, хотя дело Прутяну ведется уже давно. Именно поэтому о таких делах нужно говорить больше и громче.

В моей практике это первый случай. До этого в основном сталкивался с тем, что погибают жертвы домашнего насилия. По данным Promo-LEX, каждый год в Молдове не менее 50 женщин погибает в результате домашнего насилия.

«Муж Веры изрубил ее кухонным топором»

30 декабря прошлого года суд столичного сектора Центр приговорил к восьми годам тюрьмы Валерия Крецу за убийство жены. Вы представляли интересы жертвы. Расскажите о деле подробнее.

Дело Веры Крецу отличается от дела Виктории Прутяну тем, что здесь погибла сама жертва семейного насилия, а не агрессор. Вера жила в Кишиневе, ей было около 55 лет, она, как и Виктория, на протяжении долгих лет была жертвой домашнего насилия. Она выросла в детдома, у нее не было ни семьи, ни родственников, ни детей. Первый ее муж умер, второй муж ее убил. Вера рассказывала, что мужчина женился на ней только для того, чтобы заполучить ее квартиру, а она – чтобы не быть одной.

Обращалась ли Крецу в полицию?

Вера обращалась в полицию много раз. В материалах дела есть документы, в которых мужчина признан полицией домашним агрессором, есть планы профилактических работ, выписанные

штрафы (то есть нарушения были квалифицированы административно). Сейчас домашнее насилие – это уголовно наказуемое преступление, предусмотренное статьей 201 УК. Но в 2010-2011 годах, когда муж Веры начал ее избивать, этой статьи в УК еще не было.

Почему не завели уголовное дело, когда эта статья УК появилась?

Это неизвестно. В 2013-2014 годах у органов правопорядка были уже все основания возбудить уголовное дело в отношении Валерия Крецу, который к тому же был ранее судим и на тот момент отбывал условное наказание. Однако дело не возбудили. В какой-то момент женщина перестала обращаться в полицию, потому что побои после этого усиливались. Полицию стали вызывать соседи, они же давали показания в суде. Максимум, что делал участковый полицейский – выливал спиртное Валерия Крецу и вел с ним беседы.

Когда вы стали представлять интересы Веры Крецу?

В январе 2014 года Вера связалась со мной, попросив помочь в бракоразводном процессе. Я приготовил документы, но Вера мне не сказала, что муж ее избивает. Наверное, стыдилась этого. Буквально через пару дней мне позвонила ее соседка и сообщила, что муж Веры изрубил ее кухонным топором, нанеся несколько ударов в голову в голову. После этого восемь месяцев Вера была полностью парализована, периодически впадала в кому, с трудом говорила. Это были восемь месяцев боли и страдания. Меня к тому времени уже вызывали в суд как адвоката по уголовному делу, возбужденному в отношении мужа Веры. Ей изначально назначили госадвоката, который ничего не делал, и соседи Веры попросили меня представлять ее интересы в суде.

Как проходило следствие?

Прокурор Николай Гурев в ходе следственных мероприятий ни разу не пришел в больницу к Вере, чтобы взять ее показания. Я общался с Верой, видел ее состояние, это были нереальные муки.

Вера говорила невнятно из-за того, что ее парализовало, больше просто кивала, но отдавала себе отчет в том, что происходит. Уже в суде, когда Веры не стало, Гурев мотивировал свое бездействие тем, что здоровье Веры все равно не позволяло ей давать показания.

Но показания Веры у вас все-таки есть?

Да, перед смертью женщины я вместе с ее соседями записал все, что она рассказала о случившемся. Вера прочла и подписала показания, но этот документ в суде не приняли. Судья Адела Андроник сказала, что такое заявления имел право взять только прокурор. В сентябре Вера умерла. В декабре ее мужа осудили на восемь лет.

То, что было с Верой – это хуже смерти. Она не сразу умерла, она восемь месяцев страдала. До этого она еще несколько лет страдала от побоев. И за все это лишь восемь лет, из которых два года он почти отсидел (именно столько длился суд). Еще через два года его, быть может, за хорошее поведение отпустят. Получается, он будет сидеть всего четыре года за то, что зверски зарубил топором жену.

Какого наказания просила защита?

Я просил о максимальном сроке по этой статье – 15 лет тюрьмы. За какое еще преступление надо давать максимальный срок? Когда жену будут резать на мелкие куски? Прокурор Лилия Шаповалова, сменившая в деле прокурора Гурева, требовала 13 лет. Это было ближе к справедливому наказанию, но никак не восемь лет.

Чем суд мотивировал более мягкое наказание?

Из решения суда я этого не понял. В решении говорится что-то о стечении обстоятельств, о якобы «аморальном поведении» Веры, что суд посчитал отягчающими обстоятельствами. Однако, в чем именно заключалось ее аморальное поведение, суд не уточнил.

«Молдова проиграла не одно такое дело в ЕСПЧ из-за плохого

расследования»

Можно ли привлечь к ответственности полицейских, которые в ситуации с Верой Крецу фактически бездействовали?

Это очень сложно, но мы будем этим заниматься. Если мы сможем доказать, что Вера скончалась из-за того, что не было эффективного расследования ее жалоб, то сможем подать жалобу против полиции. Доказательной основой такой жалобы может быть решение ЕСПЧ. Молдова, кстати, уже четыре или пять дел проиграла из-за неэффективного расследования случаев домашнего насилия.

Какое наказание может грозить полицейским?

Только административное. Для возбуждения уголовного дела должно быть наличие умысла, а у полицейских просто нет должной подготовки и практики по оказанию помощи жертвам домашнего насилия. Полицейский действовал по инструкции: приходил, когда его вызывали, проводил беседы. Но эффекта от этого никакого. Нужны другие механизмы действия полиции в таких делах, тем более что в большинстве случаев истории домашнего насилия длятся годами.

«Их семилетняя дочь все видела»

Как вы помогаете жертвам домашнего насилия, учитывая, что действия полиции малоэффективны?

Приведу в пример дело молодой женщины из Гидигича. Сожитель, с которым у них была общая дочь, постоянно ее избивал. Год назад он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вновь избил ее, затем бил головой об асфальт, а после собирался переехать ее на машине. При этом на заднем сиденье автомобиле сидела их семилетняя дочь. В последний момент агрессор пришел в себя.

Мы написали множество заявлений во все компетентные органы и добились того, что суд выдал защитный ордер в отношении женщины и дочери и лишил агрессора родительских прав. Он

теперь живет отдельно, но не сдается: пишет жалобы и угрожает – и женщине, и нам.

На какой стадии находится разбирательство по этому случаю?

Мы написали несколько заявлений в полицию с просьбой о заведении уголовного дела, однако дело заводить не хотят. В полиции говорят, что нет оснований, хотя мы представили записи звонков с угрозами, где мужчина говорит о том, что знает, где она живет, что хочет ее убить и забрать дочь.

Спустя нескольких месяцев, правда, мужчине выписали штраф за нарушение ордера. Но он продолжает нарушать предписания, угрожать. На наши просьбы о заведении дела полиция по-прежнему отвечает отказом. При этом мы продолжаем бороться, все написанные нами заявления трудно подсчитать, а адвокаты в регионах обычно опускают руки после первого отказа.

Как обычно рассматриваются жалобы о семейном насилии в регионах?

В каждом населенном пункте существуют комиссии, которые занимаются делами о домашнем насилии. В их составе пять-шесть человек: местный врач, участковый, социальный работник, преподаватель. Обычно такие комиссии принимают решения о необходимости примирения мужа с женой. И все. Promo-LEX сейчас занимается делом о домашнем насилии, где муж избивал жену в течение пяти лет. Подобная комиссия также решила, что им стоит просто помириться. Однако насилие в таких семьях, если нет серьезной реакции властей, из года в год нарастает, и все может закончиться трагично, как с Верой Крецу.

При этом, думаю, большая часть случаев домашнего насилия остается скрытой от общества. Жертвы предпочитают умалчивать об этом, стыдятся.

«Законопроект несколько лет гуляет из одного ведомства в другое»

Распространение домашнего насилия в Молдове – это результат пробелов в законодательстве, неэффективности действий властей или сложившейся печальной традиции?

И то, и другое, и третье. Если бы у органов правопорядка было желание, они могли бы вмешиваться и предотвращать трагедии и на основе действующего законодательства. Вместо этого они зачастую квалифицируют насилие как семейный конфликт и предлагают супругам помимряться. К сожалению, для большей части наших судей, прокуроров и полицейских домашнее насилие – это просто семейная ссора.

Что по факту могут сделать правоохранительные органы, получив жалобу о домашнем насилии?

Все, что может сделать судья – это выписать ордер о защите жертвы домашнего насилия, а дальше участковый и социальный работник должны следить за тем, чтобы этот ордер не нарушался. На практике они вмешиваются, только когда жертва сама им звонит. Закон же должен четко прописывать, что им необходимо посещать жертву насилия регулярно и столь же регулярно проводить профилактическую работу с агрессором с привлечением психолога. Закон также должен предусматривать заведение уголовного дела и арест агрессора на 15 суток в случае, если он нарушает предписания ордера.

Может, народному адвокату и парламентской комиссии по правам человека стоит выступить с законодательными инициативами на этот счет?

Вмешаться в законодательство нужно обязательно. Такой законопроект, разработанный министерством социальной защиты при участии Promo-LEX, уже зарегистрирован, но несколько лет гуляет из одного ведомства в другое. В этом законопроекте содержатся предложения из так называемой Стамбульской конвенции, где в том числе говорится, что полицейский может в тяжелых случаях вмешаться и выдать ордер о защите жертвы домашнего насилия без решения суда, то есть сразу расселить

агрессора и жертву. Сейчас же жертва звонит в полицию, жалуется, полицейский приезжает на место и составляет протокол, если, конечно, вообще составляет. И уходит. Жертва и агрессор остаются наедине друг с другом. Что будет дальше? Не трудно догадаться – опять побои.

Почему законопроект несколько лет «гуляет»?

Наш законопроект был почему-то возвращен в госканцелярию, хотя прошлым летом мы активно над ним работали вместе с минюстом, все шло хорошо. Сейчас вернулись к тому, что ведомства должны снова дать свои заключения по проекту.

Кроме законопроекта Promo-LEX в последние годы отправила несколько заявлений в Высшую судебную палату (ВСП) с просьбой выдать рекомендации судам, чтобы такого рода дела рассматривались в соответствии с Европейской конвенцией, и главное – квалифицировались не как хулиганство или нарушение общественного порядка, а как домашнее насилие. ВСП с 2014 года обещает нам, что рассмотрит эти заявления, однако до сих пор так и не рассмотрела.

В последнее время в Молдове много говорят о гендерном неравенстве в высших эшелонах власти. Может, если в сфере юстиции будет больше женщин, принимающих решения, проблема семейного насилия будет решаться по-другому?

Иногда и мне так кажется. Но в делах Виктории Прутяну и Веры Крецу судьями были женщины. Мне неприятно об этом говорить, но ни одна из них не проявила особого сострадания или понимания. Думаю, в правовом поле речь идет больше о профессионализме и понимании сути преступления, а не о гендерном неравенстве.

Справка NM

В 2015 году в Молдове было зарегистрировано 2040 правонарушений, совершенных в кругу семьи, из которых 36 убийств, 26 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, 35 изнасилований. 22 человека в результате нанесения тяжких

телесных повреждений скончались. Жертвами домашнего насилия стали 1760 женщин и 280 мужчин. По данным Нацбюро статистики за 2007-2010 годы, шесть из десяти молдавских женщин хотя бы раз сталкивались с одной из форм семейного насилия: 34,9% из них – с физическим насилием, 54,3% – с психологическим и 19% – с сексуальным насилием со стороны мужа или партнера. В отчете Promo-LEX «Права человека в Молдове в 2015 году» говорится, что за первые девять месяцев 2014 года полиция выдала 696 ордеров о защите жертв домашнего насилия, 75 из них, по информации полиции, были нарушены.

Источник: Newsmaker.md